

Ностальгические нарративы в политике памяти: концептуальные основания

Научный руководитель – Телин Кирилл Олегович

Стальной Алексей Львович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра государственной политики, Москва, Россия

E-mail: stalnojaleksej@yandex.ru

Ностальгические нарративы в политике памяти целесообразно рассматривать в качестве структурированного и функционального риторического жанра, встроенного в механизмы производства коллективной идентичности. В рамках предложенной логики ностальгия выступает не только аффективным состоянием, но и способом дискурсивной работы с прошлым, направленным на стабилизацию конструкции национальной идентичности через селекцию, реконструкцию, идеализацию и сентиментализацию исторического опыта.

Категория «ностальгии» закрепились в социально-гуманитарном знании сравнительно недавно. Пройдя путь от медицинского диагноза к объекту междисциплинарных исследований, ностальгия была включена в аналитический инструментарий социологии, антропологии и политологии. Существенный вклад в ее концептуализацию внес Ф. Дэвис, предложивший рассматривать ностальгию не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне [5]. В его интерпретации ностальгия обладает «стабилизирующим эффектом»: она функционирует как «предохранительный клапан» от фрустрации, вызванной несоответствием между ценностными ожиданиями и социальной реальностью. Таким образом, ностальгия позволяет субъекту нивелировать оплошность идентификации посредством обращения к позитивно интерпретируемому и идеализированному прошлому.

Классические подходы к коллективной памяти позволяют дополнительно уточнить механизм производства ностальгических нарративов. Следуя концепции «социальных рамок памяти» М. Хальбвакса, можно утверждать, что доступный репертуар образов и символов обеспечивает возможность заимствования воспоминаний, очевидцем которых субъект не являлся [3]. Концепция «коммуникативной» и «культурной» памяти Я. и А. Ассман подчеркивает, что реконструкция прошлого осуществляется в рамках институционализированных форм реконструкции и репрезентации [1] [2]. В этом контексте ностальгия предстает как метод коллективной ретроспекции, основанный на селективности восприятия и множественности интерпретаций социальной реальности в различных темпоральных контекстах. Общество, по выражению М. Хальбвакса, не просто воспроизводит прошлое, но «ретуширует» его, придавая воспоминаниям «обаяние», которым не обладала реальность. Ностальгия, следовательно, встроена в сам механизм реконструкции памяти.

Великая французская революция стала первым масштабным опытом коллективного ностальгического переживания, обусловленного необратимостью истории и десинхронизацией социальных порядков [6]. Осознание недостижимости прошлого, сопровождавшееся романтизацией дореволюционной эпохи, заложило основу для исторического сознания эпохи Модерна, в котором ностальгия выступает реакцией на ускорение и разрыв традиции.

В условиях позднего Модерна, характеризующегося социальным ускорением [8] и динамизацией идентификационных критериев, ностальгия получает дополнительное распространение. Постоянное переопределение ролей и нестабильность жизненных сценариев

формируют то, что обозначается как «ситуативная идентичность» (fluid identity), лишенная устойчивых опор. В этой ситуации ностальгия выполняет функцию контруксактора (counter-accelerant), выступая эффективным средством от наносящих ущерб последствий ускорения [4]. Имеет место своеобразный диалектизм: ностальгия рождена социальным ускорением, но одновременно функциональна для его символического сдерживания.

В контексте политики памяти ностальгия приобретает отчетливо выраженную риторическую форму. Она становится жанром публичного дискурса, посредством которого артикулируется «национальное чувство» и утверждается темпоральная непрерывность коллективного существования большой социальной группы. Ностальгический нарратив позволяет декларировать политические цели, утверждать их безальтернативность («смогли тогда – сможем и сейчас»), нормативно закреплять образцы поведения, воспроизводить и легитимировать власть либо, напротив, делегитимировать ее. Тем самым ностальгия выступает символическим ресурсом, доступным различным мнемоническим акторам – от экспертов до статусных политических фигур, обладающих властью на выдвижение и репрезентацию номинаций социальной реальности. Важно подчеркнуть, что ностальгическая реконструкция прошлого используется различными политическими субъектами как эффективный инструмент коммуникации, апеллирующий к разделяемым символам и образам [7]. Ностальгия, таким образом, универсальна как жанр: она может служить как консервативным, так и прогрессистским проектам, обеспечивая их легитимацию через обращение к социально значимым артефактам прошлого.

Подводя итог, можно заключить, что ностальгия является риторическим жанром политики памяти и функциональна в отношении стабилизации коллективной идентичности. Ностальгия функционирует как способ актуализации объективированного знания о прошлом, хранящегося в культурной памяти сообщества и проходящего постоянную селекцию в настоящем. Посредством ностальгического воображения мнемонические акторы реконструируют идеализированные фрагменты прошлого, превращая их в символический ресурс настоящего. Публичный ностальгический нарратив базируется на воображенной интерпретационной парадигме привлекательного коллективного прошлого и направлен на предотвращение идентификационных кризисов.

Источники и литература

- 1) Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- 2) Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое Литературное Обозрение, 2023. 232 с.
- 3) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 4) Brewer M. Nostalgia, Modernity, and Counter-Acceleration // Critical Horizons. 2024. Т. 25. №. 4. P. 1-16.
- 5) Davis F. Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia. NY: The Free Press, 1979. P. 14-15.
- 6) Fritzsche P. Specters of history: On nostalgia, exile, and modernity // The American Historical Review. 2001. Т. 106. №. 5. P. 1569-1599
- 7) Kenny M. Back to the populist future?: Understanding nostalgia in contemporary ideological discourse // Re-energizing Ideology Studies. Routledge, 2018. P. 144-161.
- 8) Rosa H. Social acceleration: A new theory of modernity. Columbia University Press, 2013. 470 p.